

УДК 821.161.1-3.09

Шарнян Чаб

доктор филологических наук
кафедра русской филологии
Сегедский университет
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosy Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2
(Сегед, Венгрия)

ОСТРОВ КАК УМИРАЮЩЕЕ ТЕЛО В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ»

В центре внимания автора статьи – остров Матера в повести В. Распутина как живой организм. Параллель между человеком и островом проведена на ряде уровней: телесном (в жизни острова выделены основные этапы жизни человека от рождения до старости), духовно-нравственном (остров как душа и совесть его жителей). Обращено внимание на символику названия произведения, предложено мифопоэтическое толкование событий в их соотношении с всемирным потопом (воцарение хаоса), а также легендой о граде Китеже (спасение праведных жителей).

Ключевые слова: *топос, символика, мифопоэтика, художественный мир, В. Распутин.*

Топос острова в традиционном дискурсе, как правило, воспринимается двупланово: с одной стороны с ним связываются представления об изолированном, замкнутом локусе, с другой стороны его образ представляется как заповедное место, которое составляет бинарную оппозицию с так называемым «тревожным пространством» самого ландшафта и соединяет в себе функции защиты и покровительства. В мифологической топографии повести Распутина эти два подхода существуют параллельно: их дихотомия в основном определяет пространственную структуру произведения.

В повести Распутина образ острова Матеры, имеющего опоры своего существования в органической живой среде культурно-природного пространства, в комплексной метафорической системе повести неоднократно выявляет определенные параллели с живым организмом как таковым, и следовательно, сравнивается с живым и в то же время смертным телом самого человека. Согласно этому, остров – подобно человеку – имеет свой жизненный путь, полный событиями, тем самым в этом жизненном пути зафиксировано естественное и закономерное, по сути, завершение – смерть: «Вот так худо-бедно и жила деревня, держась своего места на яру у левого берега, встречая и провожая годы, как

воду, по которой сносились с другими поселениями и возле которой извечно кормились. И как нет, казалось, конца и края бегущей воде, нет и веку деревне: уходили на погост одни, нарождались другие, заваливались старые постройки, рубились новые. Так и жила деревня, перемогающая любые времена и напасти, триста с лишним годов, ... пока не грянул однажды слух, что дальше деревне не живать, не бывать. ... Вода по реке и речкам поднимается и разольется, затопит многие земли и в том числе в первую очередь, конечно, Матеру. Если даже поставит друг на дружку пять таких островов, все равно затопит с макушкой, и место потом не показать, где там селились люди» [5, 13].

Таким образом, физическое существование острова (как и его рождение от своей матери – Ангары), его интенсивные, а со временем ослабляющиеся витальные энергии или его болезненное умирание, затем физическая гибель вряд ли во многом отличаются от подобных моментов в жизни человека.

Физические метаморфозы острова начинаются гораздо раньше его собственной гибели. В этих изменениях появляются явные признаки физического старения: они представляют собой всеохватывающий угрожающий процесс изнеможения и, на самом деле, в этих повторяющихся моментах вырисовываются картины долгого «телесного» умирания острова: «Та Матера и не та: постройки стоят на месте, только одну избенку да баню разобрали на дрова, все пока в жизни, в действии, по-прежнему голосят петухи, режут коровы, трезвят собаки, а уж повяла деревня, видно, что повяла, как подрубленное дерево, откоренилась, сошла с привычного хода. Все на месте, да не все так: гуще и нахальней полезла крапива, мертво застыли окна в опустевших избах и растворились ворота во дворы – их для порядка закрывали, но какая-то нечистая сила снова и снова открывала, чтоб сильнее сквозило, скрипело да хлопало; покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски – поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним» [5, 11–12].

Приближающаяся кончина в распутинском тексте метафорически выражается и символикой света – все уменьшающийся ущербный свет указывает на амбивалентное положение острова: он еще относится к миру живых, однако уже все чаще показываются зловещие знаки принадлежности к мрачному потустороннему миру. «И не понять, в солнце остров или уже нет солнца; есть оно в небе, есть какое-то сияние в воздухе и на земле, но слабое, едва подкрашенное, не дающее тени» [5, 36]. С другой стороны постепенное исчезновение света, тусклое мерцание «в воздухе и на земле» метафорически ассоциируется страшным переживанием умирающего человека, который постепенно лишается способности зрения, ощущения окружающего его мира.

Рядом с телесными аспектами – параллель между островом и человеком явным образом выявляется и в морально-духовном плане, и связывается с проблематикой бессмертия души. Такая душа острова, как и душа человека, независимо от окончательной физической гибели, не теряет свои трансцен-

дентно-витальные энергии, а, меняя свой бытийный статус, продолжает свое существование уже в других, исключительно духовных измерениях. Согласно писательской концепции, душа острова, как и его совесть, не случайно воплощаются в образе старых праведных жителей Матеры. «Праведность» людей преклонного возраста – здесь и у Распутина вообще – заключается в том, что именно они являются представителями и хранителями морально-духовных ценностей, таким образом их смертью эти ценности обречены на окончательное исчезновение. Эти ценности, согласно распутинской концепции, в основном коренятся в традиционном укладе жизни, который с одной стороны основывается на гармонии с природным окружением человека, с другой стороны укрепляется и поддерживается православно-христианской моралью и духовностью. Как в связи с этим отмечает Е. Галимова, в повести «мир воспринимался как драгоценный дар Божий человеку, и естественность этого живого, сотворенного и дарованного человеку мира, его органическое родство с человеком, их взаимная предназначенность друг другу обеспечивали ощущение своей неслучайности в этом мире, единства с ним» [1]. С крушением этих ценностей «происходит уход от того драгоценного многовекового уклада, в котором человек ощущал себя частью рода, природы, с которыми он был связан крепкими узами» [3, 43].

Тем не менее, в распутинском художественном мире хранители морально-духовных ценностей не только представители старого поколения, но, как правило, они исключительно женщины – мудрые старухи, в образе которых сущность женского начала первую очередь представлена в их материнстве. Таковы старухи-героини «Прощания», старуха Анна повести «Последний срок», тетка Улита одноименного рассказа или старая шаманка рассказа «Старуха» и т.п. В материнстве этих героинь находит выражение главная их черта – чувство ответственности, как за своих детей и внуков, так и за свою родную среду и за культурно-духовное наследие, которое хранится и передается ими. Именно поэтому самое тяжелое страдание для старухи-шаманки рассказа «Старуха» причиняет не сама физическая боль и сознание приближающейся кончины, а чувство своей ответственности перед своим народом: в конечном итоге ее страдание мотивировано осознанием окончательного краха выполнения своей первичной миссии – передачи новым поколениям культурно-духовного наследия предыдущих поколений. «Старуху мучила то, что она последняя шаманка, больше никого нет. Сотни и тысячи лет – у ее отцов и дедов, у их отцов и дедов – тайна и сила, которыми она владела, всегда считались великими. И вот теперь всему этому приходит конец. Человек, заканчивающий свой род, несчастен. Но человек, который похитил у своего народа его старинное достояние и унес его с собой в землю, никому ничего не сказав, – как назвать этого человека?» [4, 184–185]. Подобные хмурые мысли мучают героиню «Прощания» – Дарью, для которой очевидная невозможность передачи своего знания и опыта молодому поколению прямо связывается с жестоким чувством ненужности:

«И кажется Дарье: нет ничего несправедливей в свете, когда что-то, будь то дерево или человек, доживает до бесполезности, до того, что становится оно в тягость; что из многих и многих грехов, отпущенных миру для измоления и искупления, этот грех неподъемен. Дерево еще туда-сюда, оно упадет, сгниет и пойдет земле на удобрение. А человек? Годится ли он хоть для этого? Теперь и подкормку для полей везут из города, всю науку берут из книг, песни запоминают по радио. К чему тогда терпеть старость, если ничего, кроме неудобств и мучений, она не дает? К чему искакать какую-то особую, вышнюю правду и службу, когда вся правда в том, что проку от тебя нет сейчас и не будет потом, что все, для чего ты приходил на свет, ты давно сделал, а вся твоя теперешняя служба – досаждать другим. “Так ли? Так ли?” – со страхом допытывалась Дарья и, не зная ответа, зная, вернее, лишь один ответ, растерянно и подавленно умолкала» [4, 36].

Образ острова в метафорической системе повести во многом роднится с образами вышеупомянутых старух-матерей. Жители деревни в таком отношении осмысляются как дети Матери: она родила, кормила их и при этом делилась с ними как эмоционально-душевыми запасами, так и морально-духовным наследием. Этимологическая символика названия острова, которая первоначально связана с представлениями о родной земле и в некотором смысле восходит к архаическому пониманию матери-сырой-земли, таким образом призвана усилить такую связь между островом и людьми. Дальнейшую параллель между Матерой и старухами-матерями представляет собой их общая материнская судьба: родные дети одинаково повернутся спиной им, молодое поколение покидает как Матеру, так и свою родную мать. Таким образом, гибель острова, как и смерть этих героинь, влечет за собой утрату морально-духовных ценностей – как на личностном, так и на коллективном уровне. Если данную проблему рассматриваем в своей многослойности, надо заметить, что провал передачи названного наследия по всей вероятности не в последнюю очередь связан с исчерпыванием витальных сил материнского начала: подчеркиваемый возраст матерей (*старухи*) и самой Матери¹ уже указывает на их бесплодность – по контрасту с их прежней витальной, плодотворной силой. В такой утрате витальных сил, в бесплодии матерей метафорически выражается мысль о неспособности к плодородному поддержанию и передаче материнского наследия.

Возвращаясь к гибели острова, его затопление, как часто указывается в специальной литературе, отсылает к общей мифологеме всемирного потопа. В основных мифах вселенский потоп Бог насылает на людей в наказание за грехи, нарушение табу и т.п. Избранные люди или праведники, заранее извещенные о потопе, принимают определенные меры к спасению: строят корабль или укрываются от опасности на горе, на *плавающем острове* и т.п. С окончанием потопа начинается новая жизнь, как правило, в соответствии с божественными

¹ Ср. «Так и жила деревня, преодолевая любые времена и напасти, триста с лишним годов».

заповідями [7, 324]. Матера, як некий «плаваючий на Ангаре остров» подібним образом оберігає своїх жителів від різних нежеланих впливів оточуючого світа, саме цим забезпечуючи як збереження ісконних морально-духовних цінностей, так і невредимість гармонії між природною і людською сферами. Цей останній момент з певної точки зору семантично посилює паралель між текстом повісті і міфологічними нарративами про потоп: «міфопоетическа тема потопа стає найважливішим зв'язуючим ланкою між природою і культурою, космологією і квазі-історією, природним правом і мораллю, опираючись на божественні установлення» [7, 324–325]. В загальних міфах про всесвітній потоп, однак, акцентується фізичне порятунок – деякі люди залишаються в живих – і, як правило, морально-духовні аспекти обмежуються тим, що порятунок від смерті перевага тільки морально гідних праведників. Таким чином момент затоплення острова в распутинському тексті не обмежується аллюзіями, пов'язаними з загальною міфологією потопа, яка тут семантично пов'язана тільки з фізичною гибеллю Матери.

В морально-духовному плані гибель острова на рівні образних асоціацій і сюжетних елементів пов'язується з міфологією легендарного затоплення міста праведників – Китежа [8, 120]. В фольклорних нарративах, як і в давньоруській легенді, град Китеж представляє собою заповідне замкнуте місце, яке охороняє божественна сила. Во багатьох відношеннях саме цей момент визначає його сакральну природу: в образі Китежа втілюється топос есхатологічної завершеності і досконалості християнського характеру. «В Росії немає, напевно, більш популярної легенди, ніж легенда про град Китеж», – пише В. Шестаков. – В ній тісно переплітаються історичні, релігійно-есхатологічні і естетичні мотиви: нашествие татар, боротьба народу за незалежність, здатність до страданню і жертві, віра в воздаянню, любов до батьківщині. Цей комплекс соціальних і психологічних ідей і надій, що містяться в легенді, перетворив її з місцевої легенди в точно позначений географічний центр в общенациональний символ. Не випадково, що легенда про град Китеж отримала таке широке і яскраве відображення в мистецтві: в музиці, живописі, поезії» [9, 6]. Саме затоплення Китежа – як це часто вказується в спеціальній літературі – в певному відношенні також викликає асоціації з біблійським всесвітнім потопом. Тут, однак, затоплений в фізичному сенсі слова місто як ніби нерухомо залишається на своєму місці, а паралельно з цим, саме весь оточуючий християнський світ тоне в морі безбожного хаосу. На справді Китеж як священний локус є тією вузловою точкою сакральних сил, в якій концентруються позитивні морально-духовні енергії світа. Саме в цей момент, як ні парадоксально, утопічне з'єднується з міфологічним: місце остаточно переплітається з часом; минуле, теперішнє і майбутнє поступаються місцем вічності, краще безчасності і внев-

ременности мифического.

Гибель Матеры, таким образом, означает не столько окончательное погружение в хаос, или некое очищение от грехов, сколько спасение праведных жителей острова. Тем самым, многократные указания в тексте на прежнюю ненарушаемую естественную жизнь острова сами по себе связывают топос Матеры с легендами об утонувших поселениях – в том числе, в первую очередь, с китежским нарративом. «Мотиву “ухода” селения (города, островной страны) или определенного объекта ... в инобытие – пишет Н. Криничная в связи с Китежем –, предшествует (подчас лишь предполагается) картина его земного процветания, которое, однако, длится лишь до определенного момента» [2, 722]. В то же время, китежские аллюзии на уровне сюжета появляются в своей полноте именно в завершающем аккорде повести, когда на глазах читателя происходит переход из порочного мира живых в неиспорченный мир вечности. Момент перехода разворачивается в тревожном смутном диалоге старух, когда их амнезия, временная слепота, переходная утрата ощущения окружающей среды – как будто этапы определенного ритуала, инициации живого человека в неживого² – указывают на пересечение границы двух миров, окончательную перемену бытийного статуса человека:

«— Это че – ночь уж? – озираясь, спросила Катерина.

— Дак, однако, не день, – отозвалась Дарья. – Дня для нас, однако, боле не будет.

— Где мы есть-то? Живые мы, нет?

— Однако что, неживые.

— Ну и ладно. Вместе – оно и ладно. Че ишо надо-то? (...)

— Ты не ложила, Дарья?

— Я с тобой рядом сидю. Не видишь, ли че ли? Это ить я сидю-то.

— Потеперь вижу. Я куды-то летала, меня тут не было. Ниче ни помню.

— Куды летала – там люди есть, нет?

— Не видала. Я летала по темени, я на свет не выглядывала.

— А ты кто такая будешь-то? С этого-то боку кто у меня?

— Я-то? Я Настасья.

— Это которая с Матеры?

— Она. А ты Дарья?

— Дарья.

— Это рядом-то со мной жила?

— Ну.

— Я ить тебя, девка, признала.

² Метафорическое выражение инициации живого человека в мертвого особенно характерно для фольклорных нарративов, которые, как правило, во многом определяют поэтический мир прозы Распутина. Среди фольклорных жанров с этой точки зрения особенно выделяются те волшебные сказки, в которых герой (героиня) проходит подобный ритуал посвящения при встаче с бабой ягой, входя в ее избу; об этом см. Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л.: Изд-во Л. ун-та, 1986. 53–56.

— Дак я тебя поперед признала.

— Вы че это? Че буровите-то? Рехнулись, че ли?

В два голоса ответили:

— Рехнулись.

И замолчали, то ли пристыженные, то ли смущенные своими же несурзными словами» [5, 157–158].

Сакральная природа такого поствитального мира в повести обеспечивается прямой актуализацией морально-духовных аспектов китежской легенды. В распутинской концепции, как правило, река Ангара мифопоэтизируется³, и ее вода на уровне мотивов и образных ассоциаций метафорически отождествляется со святой водой Светлояра, которая, по свидетельству китежской легенды, естественным образом принимала в себя праведников:

«В окне стоял мгlistый и сырой, как под водой, непроглядный свет, в котором что-то вяло и бесформенно шевелилось – будто проплывало мимо. (...) Уставились в окно и увидели, как в тусклом размытом мерцании проносятся мимо, точно при сильном вышнем движении, большие и лохматые, похожие на тучи очертания. В разбитую стеклину наплескивало сыростью» [5, 157–158].

Согласно такому пониманию, спуск под воду (затопление острова) для праведных обитателей Матеры означает окончательное спасение в трансцендентных измерениях. Этим решением физическое «телесное» существование острова прекращается, в то же время его душа сохраняется – переходом в вечность праведников, в образе которых воплощается морально-духовная сущность Матеры.

Список использованной литературы

1. Галимова Е. Ш. Архетипический образ реки в художественном мире В. Распутина [Электронный ресурс] / Е.Ш. Галимова // Образовательный портал «Слово» – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/45653.php> – Дата доступа: 22.04.2016.
2. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора / Н.А. Криничная. – М.: Академический Проект – Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
3. Логачёва С. А. Мифологема Потопа в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» и в романе В. Козько «Неруш» / С.А. Логачёва // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре. Сборник научных статей. – Вып. 8. – Гомель: Гомельский гос. ун-т. им. Ф. Скорины, 2013. - С. 42–46.
4. Распутин В. Г. Старуха / В. Г. Распутин // Распутин В. Г. Век живи – век люби. Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1982. – С. 183–189.
5. Распутин В. Г. Прощание с Матерой / В. Г. Распутин // Распутин В. Г. Повести. Минск: Беларусь, 1983. – С.11–158.
6. Распутин В.Г. Сказание в десяти неравных частях / В.Г. Распутин // Распутин В. Г. На родине. Рассказы и очерки. – М.: Алгоритм, 2005. - С. 5–7.

³ В мифотворчестве Распутина река Ангара может восприниматься как красавица-дочь Байкала, «из всех сибирских рек парсвенно выделявшаяся своим высоким благородным происхождением» [Распутин 2005: 5]. Тем самым, в мифопоэтической системе некоторых повестей Распутина вода Ангары отождествляется со святой водой Светлояра («Прощание с Матерой», «Живи и помни»).

7. Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Советская Энциклопедия, 1988. – Т. 2.
8. Шарняи Ч. Символика воды в повестях В. Распутина «Прощание с Матерой» и «Живи и помни» / Ч. Шарняи // Науковий вісник Ізмаїльського державного університету. – 2008. – Вип. 24. – С.120–122.
9. Шестаков В. П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже / В.П. Шестаков // Шестаков В. П. Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. – М.: ВЛАДОС, 1995. – С.6–32.

Шарняї Чаба

Сегед, Угорщина

ОСТРІВ ЯК ВМИРАЮЧЕ ТІЛО В МЕТАФОРИЧНІЙ СИСТЕМІ ПОВІСТІ В. Г. РАСПУТІНА «ПРОЩАННЯ ІЗ МАТЕРОЮ»

Автор статті зосередив увагу на образі острову у повісті Валентина Распутіна «Прощання з Матерою». Острів розглянуто як живий організм. Автор статті виявляє зв'язок між островом та людиною на тілесному рівні. Як і людина, острів народжується (його матір'ю є Ангара), переживає ланцюг подій, старіє, вмирає. Ядро повісті В. Распутіна – острів у пору старіння. З цим пов'язана символіка світла у творі. Головним чином у повісті зображене світло, яке меркне, слабне. Уподібнення острова та людини здійснено також на морально-духовному плані. У статті звернуто увагу на те, що душа та совість острова зберігаються у його населенні. Таким чином, їхня смерть – це втрата цінностей, душі та совісті острова. Але душа острова живе лише у найстаріших, переважним чином у матерях. Їхні діти, які залишають острів, не тільки зраджують батьків, але й вбивають душу (життя) острова. Автор статті звертає також увагу на символіку назви повісті. Головна його літературознавча стратегія має міфопоетичний характер. Звернуто увагу на амбівалентність міфопоетичної символіки повісті. З одного боку – відображено есхатологічне явище, воцаріння хаосу, руйнування життя. З іншого, якщо звернутися до легенди про град Кітеж, йдеться про порятунок праведників.

Ключові слова: *топос, символіка, міфопоетика, художній світ, В. Распутін.*

Sharnjai Chaba

Seged, Hungary

ISLAND AS A DYING BODY IN METAPHORICAL SYSTEM OF “FAREWELL TO MATYORA” BY V.G. RASPUTIN

This study analyses image of the island in the artistic work by V. Rasputin «Farewell to Matyora». An island is considered as living organism. Author of the paper finds out the similarity between the island and human creativity on several levels. On corporal (physical) level this similarity consists in that as well as any person, an island has it's

birth (it's mother is Angara), experiences the chain of events, gets older, dies. In the center of narration in work is a pore of aging of island. So the old personages are central in "Farewell to Matyora", too. From here is a symbolics of light in work by V. Rasputin. Mostly a writer describes light, which grows dim, goes out.

Second level of similarity between the island and human creativity, which was studied in the article also, - morally-spiritual. The island, as any living organism, has a soul and conscience. The keepers of the soul and consciousness of island are his habitants. So their oblivion is connected with the loss of values and death. But the soul of island lives only in the oldest it's habitants (in mothers). Young people give up at home, mothers and depart to a city. So they betray the island and kill it's soul.

The main strategy of research in the paper is mythopoetic. The author finds roots of images in "Farewell to Matyora" in eschatology phenomenon (dying of the island and it's keepers begins the destroying of Cosmos). But an island and people are rescued at the same time. They disappear, but does not die, as in the legend about Kitezhe.

Key words: *topos, symbolic, artistic world, mythopoeics, V. Rasputin.*

References

1. Galimova E. Sh. Arhetipicheskij obraz reki v hudozhestvennom mire V. Rasputina [Archetypical character of the river is in the artistic world of B. of Распутина], available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/45653.php> [in Russian]
2. Krinichnaja N. A. (2004) Russkaja mifologija: Mir obrazov fol'klora [Russian mythology: World of folk images], Moscow, Akademicheskij Proekt – Gaudeamus, [in Russian]
3. Logachjova S. A. (2013) Mifologema Potopa v povesti V. Rasputina «Proshhanie s Materoj» i v romane V. Kozko «Nerush» [Mythologem of Flood in the story by V. Rasputin "Farewell with Matjora" and in the novel by V. Kozko of "Nerush"] [in:] Hristianskij gumanizm i ego tradicii v slavjanskoj kul'ture. Sbornik nauchnyh statej, vyp. 8 [Christian humanism and his traditions in the Slavic culture. Collection of scientific works], Issue 8, Gomel', Gomel'skij gos. un-t. im. F. Skoriny, Pp. 42–46. [in Russian]
4. Rasputin V.G. (1982) Staruha [An old Woman] [in:] Rasputin V. G. Vek zhivi – vek ljubi. Rasskazy [A century give life - love a century: stories], Moscow, Molodaja gvardija, Pp.183–189. [in Russian]
5. Rasputin V.G. (1983) Proshhanie s Materoj [Firewell to Matyora] [in:] Rasputin V. G. Povesti [Stories], Minsk, Belarus', Pp.11–158. [in Russian]
6. Rasputin V.G. (2005) Skazanie v desjati neravnyh chastjah [A story is in ten unequal parts] [in:] Rasputin V. G. Na rodine. Rasskazy i ocherki [On a motherland. Stories and essays], Moscow, Algoritm, Pp. 5–7. [in Russian]
7. Mify narodov mira: Jenciklopedija [Myths of the world people: Encyclopaedia], Moscow, Sovetskaja Jenciklopedija, Vol. 2 [in Russian]
8. Sharnjai Ch.(2008) Simvolika vody v povestjah V. Rasputina «Proshhanie s Materoj» i «Zhivi i pomni» [Symbolics of water in the stories by V. Rasputin "Farewell to Matyora" and "Give life and remember"] [in:] Naukovij visnik Izmail's'kogo derzhavnogo universitetu [Scientific herald of Izmail University], Issue 24, Pp. 120–122. [in Russian]
9. Shestakov V. P. (1995) Jeshatologicheskie motivy v legende o grade Kitezhe [Eschatology motives in legend about Kitezhe] [in:] Shestakov V. P. Jeshatologija i utopija. Oчерki russkoj filosofii i kul'tury [Eschatology and utopia. Essays of Russian philosophy and culture], Moscow, VLADOS, Pp. 6–32 [in Russian]

Статтю подано до редколегії 26 квітня 2018 р